



Подписывайтесь на наши
социальные сети



A LOVE THAT KILLS

**Stories of Forensic
Psychology and Female**

Anna Motz

ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ УБИВАЕТ

**Истории женщин,
перешедших черту**

Анна Моц

Перевод с английского
Варвары Васильевой

Издательство АСТ
Москва

УДК 616.89:343.9

ББК 56.14+67.5

M86

Оригинальное издание:
A LOVE THAT KILLS
Stories of Forensic Psychology and Female
Anna Motz

Это издание публикуется по соглашению с *The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd* и *The Van Lear Agency LLC*

Моц, Анна.

M86 Любовь, которая убивает. Истории женщин, перешедших черту / Анна Моц ; [перевод с английского В. Васильевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-17-154037-1

В умах многих образ женщины ассоциируется с любовью, заботой и материнским теплом; она та — кто дарит жизнь, воспитывает, дает защиту. Именно поэтому истории, когда женщины совершают преступления и проявляют чудовищную жестокость, вызывают столько противоречивых эмоций. В этой книге Анна Моц, клинический психолог и судебный психотерапевт, рассказывает об 11 женщинах, с которыми встретилась в стенах спецучреждений — в тюрьмах, судах, психиатрических больницах, об их судьбах, травмирующем опыте и пути к выздоровлению.

УДК 616.89:343.9

ББК 56.14+67.5

ISBN 978-5-17-154037-1

© Anna Motz, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
1. Мэри. Пожар и угасание	26
2. Паула. Вулкан и пропасть	49
3. Саффир и Джеки. Материнство под судом.	78
4. Грейс. Под прикрытием заботы	113
5. Долорес. Любовь, которая убивает	144
6. Эмбер. Власть и извращенность.	164
7. Таня. Травма и месть.	196
8. Майя. Объекты одержимости.	220
9. Лиллиан. Переломный момент	245
10. Скай. Разговоры через кожу	275
Заключение	303
Благодарности.	312
Об авторе.	315
Примечания	316

Посвящается трем женщинам, каждая из которых по-своему научила меня материнской любви: подруге и наставнице Эстеле Уэллдон, дочери Ханне и маме Лотте.

ВВЕДЕНИЕ

Уже более 30 лет я работаю с женщинами, которые расширяют границы представлений о психических расстройствах. За эти годы я столкнулась с описаниями ужасающего насилия и фантазиями о чем-то еще более жутком. Забыть их сложно, но самые яркие воспоминания касаются не действий или мыслей пациенток. И даже не чувства страха, порой возникавшего во время очных сессий, когда напротив меня сидел человек с опытом насилия, которому я могла показаться врагом.

Нет, картинки, которые сразу всплывают в памяти, относятся к наиболее спокойным ситуациям, где не слова, но все остальное говорит о женской травме и страданиях: о жизни и психологическом ущербе, которые подтолкнули к преступлению, иначе не поддающемуся объяснению. Я вспоминаю Мириам. Пятнадцать лет она прожила в закрытом крыле психиатрической лечебницы, где работала. На одну из сессий пациентка пришла в необычайно взвинченном состоянии: она была так возбуждена, что с трудом могла говорить. В конце концов ей удалось объяснить причину. Медперсонал при осмотре палаты

перевернул все вверх дном после сообщений о том, что Мириам тайно хранит неразрешенные вещи. Все ее пожитки, которые она так берегла (среди них фотографии, всякие мелочи и одежда), были в беспорядке, что привело в смятение и их владелицу.

Может показаться, что реакция чрезмерная: такие неаккуратные обыски — стандартная практика в любом месте ограничения свободы. Но лично для Мириам это было настоящей пыткой. Она оказалась в Великобритании в поисках убежища — ребенком без родителей, но с болезненным опытом эксплуатации и жестокого обращения. Мириам оставила родных и все ужасы, которые довелось увидеть, но с годами ей пришлось столкнуться с новыми сложностями, пока она жила в хостелах, приютах и на улице. Ее все время сопровождала нестабильность, и вещи, которые ей удалось накопить и бережно сохранить в палате, создавали ощущение, близкое к восприятию постоянного дома. Мириам вторжение в ее палату и переворачивание всего вверх дном казалось чуть ли не концом света. После сессии мы вместе вернулись в палату, и я смотрела, как она, стоя на четвереньках, собирала разбросанные по полу предметы. Казалось, что Мириам испытывала физическую боль, пока пыталась вернуть все на свои места, ведь ситуация напомнила о травме длиной в жизнь. Она посмотрела на меня и спросила, стало ли мне понятнее. Я смогла лишь молча кивнуть.

Страдания Мириам, а также многих женщин, с которыми я работала в тюрьмах, психиатрических больницах и специализированных клиниках, напомнили о человеческом факторе, который стоит за каждым преступлением. Этих женщин воспринимают исключительно как убийц, насильниц, поджигательниц,

сталкеров и растлительниц малолетних. Однако виновницы преступлений, поражающих воображение, почти всегда сами подвергались насилию или имеют травмы. Они и жертвы, и преступницы. Моя задача как судебного психотерапевта — выявить взаимосвязь между этими двумя фактами и помочь пациентке сделать то же самое. Важно изучить источники и психологическую географию преступления, чтобы потом это понимание послужило доказательством на судебном заседании. На его основе можно оценивать риски при рассмотрении права опеки или определять необходимое лечение.

В судебной психологии мы рассматриваем личность человека в целом, все факторы, которые его сформировали, и как события из одного периода или сферы жизни повлияли на развитие и действия в других. Эти связи не всегда очевидны или осознаются пациентом. Нередко до них получается добраться только спустя десятки часов бережной терапевтической работы. В ходе психотерапии следует учитывать всю сложность и противоречивость, чтобы найти связующие нити в хаосе жизни: это позволит объяснить человеку причины его поступков и мыслей, о которых он прежде и не подозревал. Вместе мы определяем и восстанавливаем значение совершенных преступлений. Этот процесс требует принятия и спокойствия, отказа от личных чувств по поводу того, что сделал собеседник: тогда обе стороны смогут понять мотивы.

На протяжении 30 лет я работала с женщинами и мужчинами в тюрьмах, отделениях больниц с усиленной охраной и вне учреждений: и оценивала состояние, и вела терапию. Я получила образование в области клинической психологии, где основными

направлениями были когнитивно-поведенческая терапия (разговорная терапия, цель которой — определить и изменить вредные модели мышления и поведения) и психодинамический подход (здесь мы стремимся помочь человеку открыть для себя бессознательное, чтобы понять мысли и чувства). Но большая часть моей работы связана с судебной психотерапией, где психоаналитический подход встречается с миром преступлений: психодинамические методики позволяют определить мотивы и значение преступных действий человека. Многолетний опыт показывает, что это действительно помогает людям распознать влияние бессознательного на их жизнь и объяснить те или иные поступки. Кроме того, такое понимание создает прочный фундамент для работы с этими проблемами и в какой-то степени для их устранения. В самых успешных случаях это позволяет людям, которые ранее страдали от невыносимых эмоций, сдерживать импульсы, прежде не поддающиеся контролю, и сделать жизнь более стабильной.

В той части моей работы, которая связана с судебной психотерапией, меня больше всего интересуют насилие и преступления, совершенные женщинами. Женское насилие — вопрос, природу которого зачастую понимают неверно, ему не придают должного значения. Для многих членов общества (от представителей СМИ до некоторых медиков и юристов) существование женского насилия — слишком горькая правда, которую они не готовы принять. Эта табуированная тема разрушает идеальный образ женщин как тех, кто любит, воспитывает и заботится. Людям сложно поверить, что иногда матери вредят детям и даже убивают их, а еще — что женщины, находясь в позиции того, кто заботится, могут насиловать или как-то иначе плохо обращаться

с теми, кто от них зависит. Даже мысль об этом косвенно угрожает нашему социальному строю: шок от жестокого обращения с детьми и взрослыми проникает в нашу уютную жизнь, построенную вокруг концепции любящей и заботливой семьи.

Когда тема женского насилия все же затрагивается, это неизменно делается в резком тоне с опорой на предрассудки, глубоко укоренившиеся в истории и культуре. Страницы старейших произведений литературы наполнены стереотипами о мстительных женщинах. Это и опасная соблазнительница Юдифь, которая в библейской истории обезглавила ассирийского полководца Олоферна, пока тот спал в своем шатре. И отвергнутые жены, доведенные до убийственной ярости в греческих трагедиях: от Клитемнестры, закалывающей беспомощного Агамемнона в ванне, до Медеи, которая настолько ослеплена гневом из-за предательства Ясона, что убивает не только его новую жену, но и собственных детей. Современные образы жестоких женщин не менее радикальны. Майра Хиндли, Розмари Уэст, Эйлин Уорнос и Беверли Алитт* — все они стали объектами ненависти в желтой прессе: их не только изгнали из общества, но и отделили от женской половины человечества. Они считались чудовищами, ангелами смерти, злом во плоти: женщин превратили в демонов, не имеющих ничего общего с идеалами, которым они угрожали.

* Майра Хиндли вместе с напарником Иэном Брэйди совершила серию убийств детей, названную «Убийства на болотах». Розмари Уэст — британская серийная убийца, которая вместе со своим мужем Фредом Уэстом пыталась и убивала молодых женщин и девочек. Эйлин Уорнос — американская серийная убийца, убила и ограбила семерых мужчин. Беверли Алитт — британская преступница, работавшая детской медсестрой и совершившая серию убийств в стенах больницы. — *Прим. изд.*

В общественном сознании прочно закрепился образ этих девушек, угрюмо смотрящих с первых страниц газет: для людей нет больших злодеев, чем женщины-убийцы. Эти примеры показывают, как идеализация женственности в целом и материнства в частности может быстро превратиться в осуждение и отвращение к тем, кто разрушает идеальный образ.

В ходе работы я постоянно убеждалась, что правда гораздо сложнее и тревожнее, чем эти карикатурно преувеличенные изображения. Часть тех женщин, которые убивают, насилуют и иными способами проявляют жестокость, действительно социопаты и психопаты, но далеко не все. Нередко они сами переживали ужасное насилие со стороны родителей, опекунов, партнеров или родственников. Многие в результате страдают от серьезных психических расстройств или психологических травм. Кого-то отчаянный поиск любви и заботы, которых они были лишены, приводит к жизни с жестоким партнером, беременности, на которую они возлагают несбыточные надежды, и возрождению травмы, проявляющейся в актах насилия, что повторяют те, от которых они когда-то страдали сами.

Эти женщины не бесчеловечные чудовища, описанные в таблоидах. Это не какой-то особый подвид людей, движимых безумием или злом, которых мы никогда не сможем понять. На самом деле они не так уж отличаются от большинства из нас, поскольку зачастую их преступления — жестокий итог знакомых нам эмоций: желания любить и быть любимым, разочарование и страх при воспитании ребенка, разрушительный стыд и ненависть к себе. Только эти чувства искажаются из-за пережитого опыта насилия. Трагедия преступлений заключается в том, что,

пытаясь избежать ужасов собственного детства, многие обречены на воспроизведение того, что пережили сами. Другие живут с психическими расстройствами: это заставляет их совершать преступления и верить, что они помогают человеку, которому наносят вред, порой несовместимый с жизнью. Но в подавляющем большинстве случаев женщины, с которыми я имела дело, не были лишены эмпатии, понимания или шанса на реабилитацию, хотя иногда добиться этого оказывалось сложно.

Во многом я посвятила карьеру работе с женщинами, совершившими неопишимо жестокие преступления, и изучению такого рода насилия. Этот важный вопрос заслуживает того, чтобы в нем разобрались. Известно, что лишь 5% заключенных — женщины, и далеко не все из них совершили насильственные преступления. Однако мы знаем, что женская жестокость нередко проявляется скрытно, дома, и не всегда становится достоянием общественности. К недостаточной заметности проблемы добавляется отношение людей к тем женщинам, о чьих преступлениях узнали: или их демонизируют, или, что так же опасно, к ним относятся снисходительно — мол, они не способны на преступления, ведь это выходит за рамки образа женщины и матери. По общему мнению, женщины проявляют жестокость, а в особенности сексуальное насилие, только если их к этому принуждают мужчины. Эти стереотипы звучат из уст специалистов в области юриспруденции и медицины, что влечет за собой последствия для общества. Если женщин, совершивших насилие, воспринимают как неисправимых злодеек и относятся к ним как к преступницам, то утрачивается возможность реабилитации. Если же потенциальных нарушительниц закона